

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 378-385
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.378

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Content of Secondary Education in the Russian Empire in the second half of the 19th century (the Example of Ust-Medveditsky Women's Secondary School of the Don Cossack Host)

Andrey A. Solovyev ^{a, *}, Aleksandr V. Zakharov ^a, Nadezhda L. Vinogradova ^a, Lyubov S. Solovyeva ^b

^a Volgograd State Technical University, Russian Federation

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to analyze the specifics of education in the Russian Empire in the second half of the 19th century. Archival materials covering various activities of the Ust-Medveditskaya women's gymnasium in the last quarter of the 19th century are used as documentary grounds of the study. Researches particularly focus on the content of educational process examining the curricula of Russian literature, geography, history, and foreign languages. They also outlined scientific discussions on content of educational process in Russian province of the 19th century and the relations of the process with the general trends of education development in the country. According to studied materials education in the Russian Empire was not solely limited to the purpose of transferring knowledge and skills, but aimed to develop values in students' worldview by means of teaching certain subjects. The main sources of the paper are examination sheets, pedagogical council and general annual reports of Ust-Medveditskaya women's gymnasium. After reviewing archival documents and scientific sources, the authors concluded that the learning process included a significant number of positions whose purpose was educational impact on students, the formation of the system of values and proper behavior, which follows them. In addition, the test assignments allow us to judge that the pedagogical concepts assumed an interest in the personality of pupils and the support of their cognitive activity. The authors also put forward a hypothesis according to which the development of female education could become the reason for a change in the value-targeted foundations of educational activities in the future – the transition from the exclusively educational orientation of teachers to an educational and organizational one.

Keywords: popular education, The Province of the Don Cossack Host, Russian Empire, History of the Education, Content of Educational Process, Women's Gymnasium.

1. Введение

Существование разных форм образования во второй половине XIX века во многом было предопределено стремительными техническими и социально-экономическими изменениями. Российская империя в этом отношении не являлась исключением. Значительное количество вновь создаваемых производств приводило к росту городов, в которых существовала образованная прослойка, повышался спрос на домашних учителей. Опытные педагоги с университетскими степенями, студенты и даже школьники начинают заниматься учебно-воспитательной деятельностью. Такая обстановка неизбежно приводит к разнообразию форм образовательной работы.

Традиционные устои уступают место нововведениям прежде всего в центре страны, но и на периферии имеют место нетипичные явления. Причем речь в основном идет не столько о тех способах организации общественной жизни, которые на предыдущих этапах развития страны могли

* Corresponding author

E-mail addresses: lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), NVinogradova@yandex.ru (N.L. Vinogradova), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

быть запрещены, сколько о тех, которые ранее вовсе были невозможны, поэтому практически никак не развиты.

В этой работе сделана попытка установить предпосылки появления в России второй половины XIX века новых видов учебных заведений. Задача – проиллюстрировать намеченный поиск данными, позволяющими судить о фактическом положении дел в образовании юга России рассматриваемого периода.

2. Материалы и методы

Изучение содержания образования в регионах России второй половины XIX столетия включает исследование общегосударственных образовательных программ и сравнение их с содержанием образования в конкретных учебных заведениях. При этом мы полагаем, что такое исследование не будет полным без выявления идеологических оснований составления учебных планов и анализа внедрения планов в педагогическую практику.

Исследование государственных программ опирается на работы разных авторов, сравнение их с реальным положением дел, а также информацией о внедрении учебных программ в практику педагогической деятельности. Все вышеперечисленное предполагает анализ архивных данных, выявление же идеологических оснований образования добавляет к названным двум видам работы теоретическое осмысление соответствующих причинно-следственных связей.

Источниками, ставшими исследовательской базой статьи, явились протоколы заседаний педагогического совета, экзаменационные ведомости и годовые отчеты Усть-Медведицкой женской гимназии (1884–1885), Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища (1890).

В целом же методология направлена на изучение особенностей гимназического образования второй половины XIX века в России. При этом внимание в первую очередь обращено на выявление динамических закономерностей и поиск объективных предпосылок отдельных явлений.

3. Обсуждение

Особенности образовательной деятельности в России второй половины XIX века освещены в подходящем для нас контексте в ряде работ. Назовем таких авторов, как Н.Ф. Бичехвост, В.В. Мельникова, Д.В. Пополитов, Л.В. Шадрина, которые касались важных фактов из истории образования на территории современной Волгоградской области ([Бичехвост, 2012](#); [Мельникова, 2001](#); [Пополитов, 2009](#); [Шадрина, 2014](#)).

Представим также авторов, рассматривавших в своих работах женское образование в России: Е.А. Андреева, Н.А. Дмитриева, Е.Ю. Захарова, Л.А. Порш, О.Д. Попова ([Андреева, 2000](#); [Дмитриева, 2008](#); [Захарова, Порш, 2016](#); [Попова, 2008](#)).

Среди исследователей, изучавших историю России в свете рассматриваемых нами вопросов, назовем таких авторов, как Н.П. Копцева, Ф.А. Насуцева, Н.Н. Середкина, И.В. Побережников, В.З. Смирнов, Е.К. Сысоева ([Poberezhnikov, 2016](#); [Koptseva, Seredkina, 2021](#); [Смирнов, 1954](#); [Насуцева, 2014](#); [Сысоева, 2015](#)).

Изучению содержания учебного процесса и предметов, его составляющих, посвятили свои работы С.И. Беленцов, Л.А. Краснова, О.Н. Малыхина, П.Г. Щедровицкий ([Belentsov, Malykhina, 2016](#); [Краснова, 2014](#); [Щедровицкий, 2011](#)).

4. Результаты

Образование второй половины XIX столетия в России становится более массовым, причем эта массовость предполагает не столько количество обучающихся, которое могло быть еще сравнительно низким в процентном отношении, сколько качественный состав – в учебных заведениях появляется все больше представителей разных сословий.

Создаются и новые виды образовательных учреждений, в том числе женские гимназии и училища. В основном они были устроены так же, как и мужские учебные заведения подобного рода, но имели и свои особенности, касающиеся как содержания обучения, так и организации учебно-воспитательного процесса и целей образования. Особый интерес вызывают формы проверки знаний и умений учениц. В.В. Зеньковский отмечал, что курс женских гимназий был упрощен по сравнению с мужскими ([Зеньковский, 2002](#)). Однако в целом мы можем сказать относительно целей образования, что они сводились преимущественно к идее так называемого «формального» образования ([Розанов, 1990: 243-244](#)).

Предположим, что наличие женских гимназий свидетельствует скорее о следующем: успехи образования (школьного) в те времена определялись не только (возможно, даже не столько) перспективами профессионального обучения. Хотя для женского обучения можно все-таки говорить об одной профессии, к которой, вероятно, такое образование готовило – это педагогическая профессия в разных ее вариантах. Но эту возможность мы рассматриваем в данном контексте скорее как исключение, своего рода продолжение самого образования, поскольку в рыночном смысле учительская профессия как результат образования замкнута на себя.

В любом случае изучение целей и задач образования в тот или иной исторический период трудно представить без выявления содержания учебно-воспитательного процесса. Несмотря на определенную его консервативность, следует сказать, что некоторые учебные предметы неизбежно должны включать нечто новое. Конечно, в ценностном и организационном отношении это новое может повторять старое, но содержательно оно зависит от технологических и социально-экономических нововведений.

Образовательная идеология последней четверти XIX века начинает учитывать особенности учащихся в большей степени, нежели ранее. Это относится не только к различиям в способностях или общественном статусе субъектов учебно-воспитательной деятельности, но и в их половозрастных различиях. Образовательная программа Усть-Медведицкой женской гимназии значительно различалась в зависимости от возраста учениц.

Например, задания для IV–V классов представляли собой не столько проверку конкретных знаний, сколько выявление общих компетенций обучающихся. Такие темы, как «Воспоминания из моего детства», «Особенно памятный случай из моей жизни», «Начало моего учения», «Мой вопрос игры» скорее говорят об ориентации составителей программ на цели общего просвещения подрастающего поколения. А среди тем для письменных испытаний по русскому языку назовем такие, как «Описание удобств дачной жизни летом сравнительно с жизнью в городах», «Описание сада вообще» (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51).

В данном контексте интересна так называемая «знаниевая» концепция образования (или «реальное» образование). Судя по представленным темам работ, она не была так настойчиво закрепляемой. Скажем, вопрос о нужности деревьев имеет скорее воспитательное значение. Да, ответ на него предполагает определенную осведомленность о том, как развиваются растения и как они соотносятся с человеческой практикой. В то же время он явно подразумевает некоторый этический момент: необходимо выбрать из всего многообразия возможностей дерева именно то, что нужно человеку, причем исключив то, что вредит природе.

При этом здесь нет конкретных деревьев, определенного типа садов, типичных городов или деревень. Допускается самостоятельный выбор, к тому же налицо междисциплинарность: в описании жизни в деревне или в городе можно применить знание как естественных наук, так и общественных; как литературы, так и изобразительного искусства.

С целью выявления специфики программы по литературе VI класса условно разделим ее на группы:

1. Понятие об истории литературы вообще, и русской в частности. Разделение истории русской литературы на периоды.

2. Древнерусская литература: устная словесность, включая былины, духовные произведения (митрополит Иларион, Кирилл Туровский, Владимир Мономах), исторические произведения (Нестор), поэтические произведения («Слово о полку Игореве»), описание путешествий (Симеон Суздальский, Афанасий Никитин).

3. Очерк литературных произведений XVI столетия: Стоглав, «Домострой», переписка Иоанна Грозного и Андрея Курбского.

4. Очерк литературной деятельности на Руси в XVII в.

5. Очерк литературной деятельности в первой половине XVIII в.: Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 26).

Содержание дисциплин «История» и «География» проиллюстрируем на примерах программ для разных классов. Согласно источникам, в курсе географии изучалось следующее: общие сведения из математической и физической географии (1 класс); Азия, Африка, Америка, Австралия (2 класс); Европа (3 класс); Россия (4 класс) (Ганелин, 1950: 120–121).

По программе Усть-Медведицкой женской гимназии в VII классе география разделялась на всеобщую и русскую.

В курсе всеобщей географии изучались Европа (общие сведения и обзор отдельных стран), Азия (природа, жители и государства), Африка (физический очерк, жители и государства), Америка (население), Австралия (население). В курсе русской географии изучалась Российская империя, включая сухопутные и морские границы, климат, народонаселение, экономическую географию (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 4).

Курс истории был разделен хронологически и концептуально по следующему принципу:

3 класс – Древний Восток, Древняя Греция, Древний Рим;

4 класс – Средневековье и частично новая история;

5 класс – главные события российского Средневековья;

6 класс – российская новая история до царствования Елизаветы Петровны и (частично) европейская новая история до возвышения Пруссии;

7 класс – события российской истории от времени царствования Елизаветы Петровны до времени царствования Александра II; также события европейской истории того же периода (Ганелин, 1950: 121).

Например, общие сведения из географии Австралии или Америки, а также знания о европейской средневековой истории трудно представить как ориентированные исключительно на профессиональную деятельность, кроме опять же работы будущих преподавателей.

Особый интерес вызывает содержание обучения, связанное с иностранными языками. Их мы разделяем на две группы: древние (чаще «мертвые») языки и современные.

Из первой группы назовем церковно-славянский, древнегреческий и латинский языки. В целом в это время в обществе разворачивалась дискуссия по поводу преподавания древних языков. Здесь спорными моментами было в целом изучение значительного количества античных текстов и грамматических правил (Поздняков, 2013; Копцева, Середкина, 2021: 345; Ветчинова, 2012). Интересно также и соотношение дискуссии относительно древних языков и общей ориентации, представленной, например, на рассмотрении проекта гимназического устава еще 1871 года, где «мертвые» языки были преподнесены как «лучшее педагогическое орудие» (РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 134: 224). Это показывает, с одной стороны, приверженность сторонников образовательных реформ практическому применению получаемых навыков, с другой – демонстрирует предпосылки к появлению новых форм педагогических практик, не отрицающих полностью предшествующее, но имеющих тенденцию к включению в него новых форм, до этого неизвестных. Скажем, древние языки начинают рассматриваться не столько способом обучения навыкам, имеющим самоценный характер, сколько формирующим способность к обучению вообще. Латинский и греческий языки здесь выступают как демонстрация «формального» обучения, в котором важно не содержание получаемых знаний, а общие навыки, приобретаемые в процессе ознакомления с ними (Розанов, 1990: 243-244). Хотя существует и альтернативное мнение, согласно которому особая форма, в которой происходило обучение иностранным языкам, не играла решающей роли в воспитании каких-либо специфических способов мышления у обучающихся. А. Герлах писал, что иностранные языки – наименее подходящее средство для развития «духовной интеллигентности», так как нельзя понимать мировой процесс только на основании этого знания, а скорее изучение родного языка способствует развитию мышления (Ветчинова, Герасенкова, 2015: 146; Герлах, 1914: 136). В то же время укажем, что нельзя однозначно утверждать, будто иностранные языки имеют пагубное влияние на сознание воспитанников, к тому же любой современный язык имеет значительное количество заимствований из других языков, а в этом случае понимание последних упрощает множество контекстов. Из второй группы предметов, направленных на формирование языковой грамотности, прежде всего следует обратить внимание на немецкий, французский, английский и испанский языки.

В целом же понимание иностранных языков упрощает реализацию различных образовательных траекторий. Применительно к российскому образованию второй половины XIX века – это прежде всего воспитательная суть процесса, даже его социально-организующая функция. Представителям разных сословий необходимы были разные, говоря современным языком, компетенции. Иностранные языки в этом случае выполняли не только задачу приобщения подрастающего поколения к культурам разным народам, но и решали вопрос ментальной принадлежности человека к той или иной социальной группе.

Если в целом говорить о рассматриваемом нами периоде истории отечественного образования, то до половины всего учебного времени в гимназиях использовалось для изучения древних языков, однако и современным уделялось внимание (Куликова, 2019: 18).

Как правило, основной целью изучения современных языков считалось не столько само знание языка, сколько приобщение к культуре тех стран, в которых язык является титульным, знакомство с культурой страны изучаемого языка, а также вытекающих из этого пересечений со становлением нравственных приоритетов человека, с выработкой личностных принципов и пониманием жизни (Ветчинова, Герасенкова, 2015: 142).

5. Заключение

Особое значение имеет специфика исторического периода. Как уже упоминалось, в целом педагоги руководствовались собственными представлениями о потребностях российского общества, но учитывали вероятные последствия самостоятельного принятия решений, о чем свидетельствует опыт образования в рассматриваемом нами районе (Бичехвост, 2012). Еще раз укажем на то, что население, к которому обращена деятельность пионеров образования, могло и не понять многих идей, отказываясь от «вольного обучения», в котором допускалось чтение запрещенной литературы, учитывая то, что значительная часть населения страны до конца XIX века, с большой степенью вероятности, была неграмотной, ведь всеобщее начальное образование не было в этот период введено (Клевцова, Жиров, 2016: 1229; Соловьев и др., 2020).

Учащимся женских учебных заведений предлагалось немало содержания, в котором значительное внимание уделялось воспитательному моменту, причем последний не только организовывался внешне различными воспитательными мерами и специально организованными специалистами, но и включался (пусть и в неявном виде) в программу обучения.

Академическая мобильность учениц была ограничена, однако не отсутствовала полностью. Можно сказать, что ее необходимость была минимальна. Учебные пособия преимущественно хранились в библиотеках, выдавались они редко. Значительная часть формального знания передавалась преподавателем фактически «из уст в уста»: учитель рассказывал или читал, а обучающиеся записывали.

С одной стороны, образование было важным каналом социальной мобильности само по себе, с другой – само попадание в учебное заведение во многом зависело от исходного происхождения ученицы. Однако были возможности для разных сословий занять место.

Из всего этого следует также заключить, что, хотя основная часть программы была направлена на формирование основных знаний, в то же время большое значение уделялось так называемому «формальному» образованию. Первый класс гимназии принимал достаточно взрослых учениц, поэтому задания, которые им ставились, могут показаться детскими (описание функций дерева). В то же время это задание, очевидно, не предполагавшее строгих знаний, тем не менее выявляло необходимость проявить не только творчество, но и общую эрудицию, то есть к такому испытанию трудно, что называется, «натаскаться» – здесь необходимо общее понимание самых разных предметов.

Фактически воспитательная сторона женских гимназий обеспечивала универсальность в педагогической деятельности. Учителю, хорошо знакомому с рецептурным предметным знанием и достижениями дидактики, часто все-таки требовалась помощь в организации деятельности учащихся: для этого в классах и школах работали специальные «дядьки». Для учителя, обладающего меньшей подготовкой в области дидактики и, как правило, меньшей общей эрудицией, помощь таких специалистов требовалась реже вследствие иного эмоционального опыта. В конечном счете все это почти исключало необходимость на уроках и переменах специального персонала, который бы «дисциплинировал» учащихся.

Поэтому мы предполагаем, что развитие женских учебных заведений в значительной мере предопределило изменения в характере педагогического труда: повлияло на соединение учебного и организационного факторов образования и в некотором смысле изменило требования, предъявляемые к педагогическим работникам.

Литература

Беленцов, 2015 – Беленцов С.И. Теоретические основы гражданского воспитания в русской педагогической литературе конца XIX – начала XX вв. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2015. № 1 (14). С. 115-122.

Беленцов, 2016 – Беленцов С.И. Читательская активность как социально-педагогический феномен // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2016. № 3 (20). С. 115-125.

Бичехвост, 2012 – Бичехвост Н.Ф. Тайны старых архивов. Волгоград, 2012. 416 с.

Ветчинова, 2012 – Ветчинова М.Н. Вариативные подходы к определению содержания иноязычного образования в отечественных гимназиях второй половины XIX – начала XX века // *Ученые записки: электронный журнал Курского государственного университета*. 2012. № 4 (24). Т. 1. С. 175-182.

Ветчинова, Герасенкова, 2015 – Ветчинова М.Н., Герасенкова П.В. Отечественная общественно-педагогическая мысль конца XIX – начала XX века о ценностях и смыслах изучения древних и новых языков // *История гуманистической мысли*. 2015. С. 138-148.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1950. 276 с.

Герлах, 1914 – Герлах А. Мнимая образовательная ценность иностранных языков // *Русская школа*. 1914. № 4. С. 136-152.

Дмитриева, 2008 – Дмитриева Н.А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX веке как объект исторического исследования // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 65. С. 107-110.

Захарова, Порш, 2016 – Захарова Е.Ю., Порш Л.А. Феминизация российского образования: этапы становления // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 1. С. 58-62.

Зеньковский, 2002 – Зеньковский В.В. Педагогика. Клин, 2002. 222 с.

Краснова, 2014 – Краснова Л.А. Содержание образования: традиции и перспективы развития // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2014. № 4. С. 35-44.

Куликова и др., 2019 – Куликова С.В. Акентьева Е.Н. и др. Путь длиною в 100 лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования: практико-ориентированная монография. Волгоград, 2019. 448 с.

Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001. 286 с.

Насуцева, 2014 – Насуцева Ф.А. Реформы образования в России начала XX века: трудный путь от идеи к воплощению // *Гуманитарные науки и образование*. 2014. № 2. С. 40-44.

- Попова, 2008.** – Попова О.Д. Высшее женское образование и русская православная церковь // *Высшее образование в России*. 2008. № 7. С. 155-160.
- Пополитов, 2009** – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в Донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 32 (170). История. 35. С. 100-104.
- Розанов, 1990** – Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. 624 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 162. Д. 134.
- Смирнов, 1954** – Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954. 310 с.
- Сысоева, 2015** – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа и земство в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015. № 4. С. 472-474.
- Щедровицкий, 2011** – Щедровицкий П.Г. Образование как объект культурной политики // *Образовательная политика*. 2011. № 1. С. 11-16.
- Belentsov et al., 2014** – Belentsov S.I. et al. Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of the XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension. // *Bylye Gody*. 38(4): 940-947.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A. et al. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 1: 4-11.
- Klevtsova, Zhirov, 2016** – Klevtsova O.V. Zhirov N.A. The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1224-1231.
- Poberezhnikov, 2016** – Poberezhnikov I.V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific // *Bylye Gody*. 2016. 41-1 (3-1): 867-673.
- Pozdnyakov, 2013** – Pozdnyakov A.N. Rossiiskaya shkola rubezha XIX-XX vekov v otsenkakh sovremennikov [Russian school at the turn of the XIX-XX centuries in the assessments of contemporaries] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2013. 2-1(13): 118-122. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2018** – Shevchenko N.A., Kucherov I., Shirev D.A., Miku N.V. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.
- Solov'ev et al., 2020** – Solov'ev A.A. i dr. Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region) // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1179-1185.

References

- Belentsov, 2015** – Belentsov, S.I. (2015). Teoreticheskie osnovy grazhdanskogo vospitaniya v russkoi pedagogicheskoi literature kontsa XIX – nachala XX vv. [Theoretical background of civil upbringing in domestic pedagogical literature in the end of the 19th century and the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 1(14): 115-122. [in Russian]
- Belentsov, Malykhina, 2016** – Belentsov, S.I., Malykhina, O.N. (2016). Chitatel'skaya aktivnost' kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen [Readers' activity as social-pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 3(20): 115-125. [in Russian]
- Bichekhvost, 2012** – Bichekhvost, N.F. (2012). Tainy starykh arkhivov [Mysteries of old archives]. Volgograd, 416 p. [in Russian]
- Dmitrieva, 2008** – Dmitrieva, N.A. (2008). Protsess formirovaniya sistemy zhenskogo obrazovaniya v Rossii v XIX veke kak ob"ekt istoricheskogo issledovaniya [The process of formation of the system of female education in Russia at the end of 19th century as the object of historical research]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 65: 107-110. [in Russian]
- Ganelin, 1950** – Ganelin, Sh.I. (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Remarks on the history of secondary school in the end second half of the 19th century]. Moskva, 276 p. [in Russian]
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].
- Gerlakh, 1914** – Gerlakh, A. (1914). Mnimaya obrazovatel'naya tsennost' inostrannykh yazykov. [Imaginary value of foreign language learning]. *Russkaya shkola*. 4: 136-152. [in Russian]
- Krasnova, 2014** – Krasnova, L.A. (2014). Soderzhanie obrazovaniya: traditsii i perspektivy razvitiya. [The content of education. Traditions and perspectives]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4: 35-44. [in Russian]
- Kulikova et al., 2019** – Kulikova, S.V. Akent'eva, E.N. i dr. (2019). Put' dlinoyu v 100 let: istoriko-pedagogicheskoe nasledie volgogradskoi sistemy obrazovaniya: praktiko-orientirovannaya monografiya [The way one hundred years long. Historico-pedagogical legacy of Volgogradian system of education: practically orientated research]. Volgograd, 448 p. [in Russian]

Mel'nikova, 2001 – Mel'nikova, V.V. (2019). Narodnoe obrazovanie kraya v XIX – nachale XX vv. [People's education of the region at the end of 19th century and the beginning of the 20th century]. Volgograd, 286 p. [in Russian]

Nasutseva, 2014 – Nasutseva, F.A. (2014). Reformy obrazovaniya v Rossii nachala XX veka: trudnyi put' ot idei k voploshcheniyu [Educational reforms in Russia at the beginning of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2: 40-44. [in Russian]

Popolitov, 2009 – Popolitov, D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v Donskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Khoperskogo okruga). [Development of educational system in Don Diocese at the end of 19th century and the beginning of the 20th century. Based on the example of Khoper region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (170). Istoriya. 35: 100-104. [in Russian]

Popova, 2008 – Popova, O.D. (2008). Vysshee zhenskoe obrazovanie i russkaya pravoslavnyaya tserkov' [Higher female education and Russian Orthodox Church]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 7: 155-160. [in Russian]

Rozanov, 1990 – Rozanov, V.V. (1990) Sumerki prosveshcheniya [The dusk of enlightenment]. Moskva, 624 p. [in Russian]

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I., Shirev D.A., Miku N.V. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.

Solov'ev et al., 2020 – Solov'ev A.A. i dr. (2020). Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region). *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1179-1185.

Shchedrovitskii, 2011 – Shchedrovitskii, P.G. (2011). Obrazovanie kak ob'ekt kul'turnoi politiki [Education as an object of cultural politic]. *Obrazovatel'naya politika*. 1: 11-16. [in Russian]

Smirnov, 1954 – Smirnov, V.Z. (1954). Reforma nachal'noi i srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v. [The reform of elementary and secondary school in 1860s]. Moskva, 310 p. [in Russian]

Sysoeva, 2015 – Sysoeva, E.K. (2015). Obshcheobrazovatel'naya shkola i zemstvo v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Secondary school and zemsto in Russia. The second half of 19th century and the beginning of the 20th century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4: 472-474. [in Russian]

Vetchinova, 2012 – Vetchinova, M.N. (2012). Variativnye podkhody k opredeleniyu soderzhaniya inoyazychnogo obrazovaniya v otechestvennykh gimnazyakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Different approaches towards the definition of the content of foreign language learning in Russian gymnasiums in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski: elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 1. 4(24): 175-182. [in Russian]

Vetchinova, Gerasenkova, 2015 – Vetchinova, M.N., Gerasenkova, P.V. (2015). Otechestvennaya obshchestvenno-pedagogicheskaya mysl' kontsa XIX – nachala XX veka o tsennostyakh i smyslakh izucheniya drevnikh i novykh yazykov [Domestic social-pedagogical thought of the end of the 19th and the beginning of the 20th century. On the value and reason of studying new and ancient languages]. *Istoriya gumanisticheskoi mysli*. 138-148. [in Russian]

Zakharova, Porsh, 2016 – Zakharova, E.Yu., Porsh, L.A. (2016). Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya: etapy stanovleniya [Stages of the feminization of Russian education]. *Gumanitarnyi vektor*. 11(1): 58-62. [in Russian]

Zen'kovskii, 2002 – Zen'kovskii, V.V. (2002). Pedagogika [Pedagogy]. Klin, 222 p. [in Russian]

Содержание гимназического образования в Российской империи второй половины XIX века (на примере Усть-Медведицкой женской гимназии области Войска Донского)

Андрей Александрович Соловьев ^{a,*}, Александр Владимирович Захаров ^a,
Надежда Леонидовна Виноградова ^a, Любовь Сергеевна Соловьева ^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – изучение отдельных особенностей образования в Российской империи второй половины XIX века. В качестве документальных оснований для исследования используются прежде всего материалы, связанные с деятельностью Усть-Медведицкой женской гимназии в последней четверти XIX столетия. Большое внимание уделено анализу содержания учебного процесса. Изучены программы по русской словесности, географии, истории, иностранным языкам, намечены дискуссионные вопросы, касающиеся перспектив изучения содержания учебно-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), NVinogradova@yandex.ru (Н.Л. Виноградова), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)

воспитательного процесса в российской провинции XIX в. и его соотношения с общими установками образования в стране. Согласно полученным данным, можно говорить о том, что учебная деятельность не ограничивалась единственной целью передачи знаний и умений, а допускала вероятность развития ценностных оснований обучающихся с помощью тех или иных предметов. Основными источниками стали протоколы заседаний педагогического совета, экзаменационные ведомости и годовые отчеты Усть-Медведицкой женской гимназии. Благодаря изучению архивных документов и научных источников, авторы пришли к следующему выводу: процесс обучения включал значительное количество позиций, направленных также и на воспитательное воздействие на обучающихся, формирование у них определенной системы ценностей и должного поведения. Кроме того, проверочные задания позволяют судить о том, что педагогические концепции предполагали интерес к личности воспитанниц и поддержку их познавательной активности. Также авторы выдвигают гипотезу, согласно которой развитие женского образования могло стать причиной изменения ценностно-целевых оснований учебно-воспитательной деятельности в будущем – перехода от исключительно учебной ориентации педагогов к учебно-организационной.

Ключевые слова: народное образование, область Войска Донского, Российская империя, история образования, содержание образования, женская гимназия.